

Дюваль занялся раной только с дозволения Широ́на. Но и тогда не пренебре́г наказанием, а накладывал бинты, продолжая оставаться на коленях. А как покончил с процедурой, снова застыл недвижим.

Наблюдавшие сей процесс командоры были впечатлены. И внутренне позавидовали тому, что под началом Широ́на служит такой подчинённый. На их взгляд, Широ́н крайне везучий командир, коль у того в подчинении столь образцовый рыцарь.

Однако Гермюльдер и Любек интерпретировали сцену по-своему. И, вместо того, чтобы завидовать, оценили харизму Широ́на, позволявшую удержать подле себя такого сильного мастера, как Дюваль.

Очевидно было одно – после случившегося уважать Широ́на стали ещё сильнее. И оспорить данное утверждение не взялся бы никто.

Вечером того же дня Широ́ну вручили тайную записку от Гермюльдера. Один из доверенных рыцарей коломского вельможи посетил казарму, где тот квартировался, и передал письмо из рук в руки.

Почерк действительно принадлежал Гермюльдеру, маркиз вежливо звал Широ́на в гости. Однако при прочтении выяснилось, что инициатором приглашения был не он, а сам король Баньяк фон Колом. Гермюльдер открыто пояснил, что обращается по его просьбе.

О подоплёке Широ́н догадывался. У Баньяка действительно имелась причина для встречи. Потому приглашение Широ́н, конечно же, принял. Ему самому было интересно познакомиться с королём Колома.

Вечером он незаметно оставил казармы и направился к королевскому дворцу.

Лагерь союзных войск расположили неподалёку от дворца. Так что уже через полчаса он остановился перед его воротами.

Случайно или нет, но подъёмный мост тут же с громким скрежетом опустили. По ту сторону обнаружили командир королевской гвардии и его гвардейцы.

Однако встречали Широ́на не только Георг и подчинённые, но и командоры первого и второго рыцарских подразделений – Гермюльдер и Любек. Все при чёрных паноплиях, с мечами и копьями наготове.

Когда вокруг столько вооружённых людей, непроизвольно начинаешь ощущать психологическое давление. Словно вдруг оказываешься один посреди вражеского лагеря.

Конечно, в данный момент королевство Колом не было врагом Галика. Однако всего год назад они вели ожесточённые бои. И любой в подобной ситуации, несомненно, растерялся бы.

Но поведение Широ́на определённо не соответствовало тому, чего добивались встречавшие. Нежданно оказавшись посреди толпы вооружённых до зубов людей, он даже бровью не повёл, а держался естественно, не выказав ни толики страха. Словно только что вернулся с прогулки домой.

Его храбрость потрясла рыцарей. Теперь уже напряглись они сами. Вопреки изначальной задумке, психологическое давление не только не сработало, но и возымело противоположный эффект.

Атмосферу разрядил маркиз Гермюльдер. Он вежливо проговорил: «Граф Широн! Благодарю, что отозвались на моё приглашение. Проходите, прошу! Его величество ждёт.»

«Читая письмо, я ожидал встретить вас, господин маркиз, но, оказалось, что также буду иметь удовольствие видеть и графа Любека! Но куда более я поражён, что со мной пожелал встречи сам его величество Баньяк фон Колом.»

На протяжении всей речи с лица Широна не сходила дружелюбная улыбка.

Маркиз Гермюльдер в очередной раз восхитился: «Этот мужчина... чем дольше его наблюдаю, тем поразительнее он кажется! Это ж надо – сохранить хладнокровие в окружении целого отряда воинов! Но на чём основывается его смелость? Он заставляет себя улыбаться ради психологической победы? Или действительно так уверен в своих силах?»

Однозначный вывод сделать было непросто. Несомненно одно – Широн действительно поразительная личность!

Дворец короля Колома оказался крайне утилитарным, что разительно отличало тот от резиденции его коллеги из Галика, в которой Широн тоже имел удовольствие побывать.

Если королевский дворец Галика полнили многочисленные роскошества, призванные подчеркнуть величие монарха, то в коломской монаршей обители не наблюдалось ничего подобного. Даже размеры её были ровно такими, сколько требуется для решения политических задач – и не более, и не менее.

Единственное, что выделяло статус короля – две лестницы, по семь ступеней каждая, подымавшихся с двух сторон постамента полуколоннам. На постаменте был установлен высокий королевский трон, на котором и восседал монарх Колома, окидывая с высоты взором своих подданных.

Единственными украшениями главной залы, за которые мог зацепиться взгляд, были старинного вида доспехи, стоящие вдоль стен.

На деле то были паноплии былых королей Колома, прекрасно сохранившиеся и потому выставленные на общее обозрение. Потому назвать их украшениями было не совсем верно.

В момент, когда Широн переступил порог главной залы, король Баньяк фон Колом коротал время, сидя на троне. При виде вошедших он радушно улыбнулся: «Йоу, граф Широн! Мне многое рассказывали о вас, и я рад увидеть вас лично!»

Короткие светлые волосы и бакенбарды. Высокий рост, что казался только выше из-за постамента, на котором находился король. И осязаемая даже под одеждой крепкая мускулатура!

Баньяк производил впечатление сильного, волевого человека. Казалось, ему больше подошла бы роль командора воинского подразделения, нежели правителя страны. А угловатая челюсть и звучный голос лишь усиливали этот эффект.

«А он крут!» – вот первое, что пришло Широну на ум при виде Баньяка фон Колом.

Король, в свою очередь, оценил исходящее от Широна величие. Врождённое могущество, что так притягивает людей!

Когда-то на Широ́на смотрели совсем не так. Влача рабскую жизнь в Ноабской империи, он казался тихим и замкнутым. Впрочем, он был хорош и тогда, просто этого, как погребённый под толщей песка алмаз, не было заметно.

В те годы очень немногие замечали его выдающийся талант. Он был просто безвестным человеком, лицо которого столь заурадно, что, сколько ни разглядывай, моментально забудешь, стоит лишь отвернуться. И образ тот успешно маскировал его уникальность.

Но теперь всё было по-другому. Даже против своего желания он порождал силу, заставляющую всех вокруг подчиняться.

Порой то было спокойное, внушающее доверие величие. Иногда – аура лидера, вызывавшая желание следовать его приказам. В иных случаях – магнетизм, позволяющий убедить, расположить к себе даже врагов. А когда-то и всеподавляющее чувство страха, сметающее и разрушающее всё на своём пути!

Все эти типы характеров уживались в Широ́не одновременно.

Дух императора!

В своё время Баньяк был глубоко увлечён учением, которое преподавали будущим властителям империй, так и называвшееся – «путь императора»[1]. Он был одержим мечтой стать одним из великих монархов, и пытался ступить на тот путь. Потому сходу определил, что от Широ́на исходит энергетика именно такого порядка.

Король Баньяк сглотнул выделившуюся слюну. По телу его пробежали мурашки.

«Этот мужчина... крайне опасен. Тело его – вместилище не рыцаря, но истинного царя! Слишком великий сосуд! И всё-таки – как же хочется иметь подобного человека в списке друзей! Пусть это и сопряжено с риском.»

Он быстро огляделся и произнёс прежде, чем Широ́н смог должным образом ответить на приветствие: «А давайте, вместо того, чтобы вести беседы в главной зале, сменим локацию? Ныне время ужина, так почему бы всем нам не разделить трапезу?»

Предложение вызвало в придворных крайнее удивление. По глазам собравшихся было видно, что подобного никто не ожидал.

И на то имелась причина. В отличие от Галика, где вкушать яства в многочисленной компании считалось нормой, в Коломе хозяин и его гости не ели за одним столом. Здесь такое не было принято – местные земли слабо подходили для земледелия, и пищу почти круглый год приходилось экономить.

Потому, если хозяин приглашал разделить трапезу, это значило, что он рассматривает собеседника уже не в качестве гостя. Ведь так принимать могут лишь дорогого сердцу брата!

В одной из народных мудростей Колома так и говорится: «Не садись за стол с врагом, а коли сел – не враг он тебе больше, а названный брат.»

И ещё пословица: «Врага встречай мечом, а брата – караваем.»

Вот какое значение здесь придавали процедуре совместного приёма пищи!

Первым на предложение короля среагировал канцлер Базелиц. Он быстро вышел из зала и приказал слугам готовить пир.

Король решил не враждовать с Широном, а принять его как друга или брата? Базелиц считал, что это совершенно верный ход. Для Колома нет никакой пользы делать из Широного врага.

Несмотря на гибель десятков рыцарей и десятков тысяч солдат, это всё уже дела минувших дней. А теперь с Широном нужно дружить.

Вот в таком ключе мыслил Базелиц.

Широн с готовностью поддержал инициативу Баньяка. Он склонился в глубоком поклоне: «Огромное спасибо за предложение. Я с радостью разделю предложенный вашим величеством хлеб.»

Тут все округлили глаза ещё раз. Особенно удивлёнными выглядели Баньяк и королевские гвардейцы, ещё не знавшие, что тот свободно разговаривает на коломском.

При всём при этом было совершенно очевидно, что познания Широного не ограничиваются только языком. Ведь дать подобный ответ можно лишь будучи знакомым с культурой и обычаями Колома.

Готовность разделить предложенный хлеб означала, что Широн осознаёт подтекст предложения короля. И с радостью его принимает.

Лица людей просветлели. Возникла уверенность, что просьба, с которой они хотели обратиться к Широному, будет удовлетворена.

Меню Колома определённо отличалось от многообразия, подаваемого в Галике. Несмотря на то, что действо считалось устроенным по приказу короля пиром, роскошным его было никак не назвать.

Здесь были плотный ржаной хлеб; нарезанное крупными пластами и зажаренное на гриле мясо – так называемый стейк; и крученные из говяжьих кишок, начинённые говяжьим фаршем колбаски, обжаренные на огне. Десертов не подавали вовсе, а в качестве напитка шёл алкоголь из перебродившего ячменя.

Но Широн оказался доволен всем. А более всего нахваливал колбаски и алкоголь, что не могло не порадовать жителей Колома.

Пусть до продуктового разнообразия и изобилия Галика местным было далеко, этими двумя продуктами коломцы гордились особенно. И оттого им было приятно слышать добрые слова о них от пришлого человека.

Когда под действием алкоголя атмосфера в трапезной достигла нужной кондиции, король Баньяк перешёл к теме, которую хотел обсудить изначально: «Кстати, граф Широн, у меня к вам одна просьба...»

Стоило королю заговорить, как все присутствующие в зале аристократы умолкли и с интересом уставились на Широного.

«Конечно, говорите.»

Широн уже догадался, о чём будет просить Баньяк. Но отыграл свою роль, придав лицу заинтересованный вид.

«Мне действительно жаль, что мы вторглись в ваш феод прошлой весной. И крайне неловко просить о чём-то после такого, но... я бы хотел поговорить о графе Кунцмане. Не могли бы вы вернуть нам пленённого вами ранее Кунцмана? Я понимаю, что такая просьба звучит дерзко, и всё же...»

Щёки Баньяка порозовели. Развязать войну, а после требовать возврата пленных – с дипломатической точки зрения такое могло показаться наглостью. И король не мог не осознавать данного факта.

Но это отлично демонстрировало его отношение к Кунцману. Король настолько переживал за своего подчинённого, что даже отважился потерять лицо, озвучив просьбу о его возвращении.

«Не вопрос», – неожиданно ответил согласием Широн, не став гневаться или юлить, и даже не попытавшись выторговать что-нибудь взамен. – «Я верну вам его сразу, как окончится война с Арманом, и я приеду в феод.»

Слова так всех удивили, что собравшиеся уставились на Широна с недоумением. Коломцы не могли взять в толк, почему тот согласился с такой легкостью.

Заметив на себе взгляды, Широн пожал плечами и примиряюще поднял ладони.

«Граф Кунцман хорошо устроился в нашей темнице. Да, мы ограничиваем его свободу из-за агрессивного поведения, однако он здоров и полон сил. Честно говоря, мы и сами собирались отправить его домой.»

Услышав, что у Кунцмана всё в порядке, люди вздохнули с облегчением. Но теперь взгляды собравшихся выражали любопытство. Им хотелось узнать, что значит последняя фраза Широна.

Кунцмана хотели вернуть ещё до нынешнего разговора? Но почему?

Широн хохотнул: «Ха-ха, всё дело в том, что аппетит Кунцмана просто аномален! За один приём пищи он съедает столько, сколько в день требуется пятерым местным! Нет, мы не стали бы переживать из-за перерасхода пищи, если б его можно было завербовать в рыцари Павитона, но ведь граф Кунцман – не из тех, кто на такое пойдёт, верно? Так что нам от него одно разорение!»

«Кха-ха-ха-ха!»

«Муа-ха-ха!»

Отовсюду слышались взрывы хохота. Сам король Баньяк смеялся до слёз. От смешков не удержались даже старавшиеся всеми силами сохранить серьёзные лица Гермюльдер и королевские гвардейцы.

Отсмеявшись, король торжественно произнёс: «Граф Широн, огромное вам спасибо! Уверяю вас – покуда я жив, армии Колома больше не вторгнутся в Павитон. Если освободите Кунцмана, вашему феоду ничего больше не будет угрожать. Клянусь честью!»

Широн улыбнулся и кивнул: «Благодарю за добрые слова. Но даже если и состоится новое

вторжение, ничего страшного. Ныне Павитон уже не тот, что был раньше. Мы стали гораздо сильнее.»

В словах его слышалась неколебимая уверенность.

Все первые лица Колома, включая короля Баньяка, кивнули в ответ. Они уже были в курсе, так как слухи достигли даже их ушей. Вести о необычайном расцвете Павитона после войны.

Поначалу в это отказывались верить. Потому как после войны, где бы та ни произошла, обычно приходит стагнация. А тут, напротив, бурный рост!

Но теперь присутствующие понимали – дело в этом мужчине. Человеке по имени Широн!

Примечание

[1] Дивансюэ (御覽), она же «наука воспитания императоров», «императороведение» – одно из реально существующих в Китае учений.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4644286>